

Даниэль Орлов

Что-то из детства

Часть сборника
*Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве*

Даниэль Орлов

Что-то из детства

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орлов Д.

Что-то из детства / Д. Орлов — «Эксмо», 2016

«До ремонта у меня в прихожей стояло огромное толстое зеркало, в высоту больше двух с половиной метров и где-то полтора метров в ширину. Зеркало это я не любил. Не знаю, почему не любил. Наверное, мне казалось, что в нем до сих пор отражается моя детская кроватка, стоящая рядом с пианино. Когда я причесывался перед зеркалом или рассматривал появляющиеся в усах седые волосы, я замечал ту кроватку краем глаза, и меня это раздражало. Я уже вырос, уже успел потолстеть несколько раз и похудеть обратно, я уже был женат, развелся и женился во второй или в третий раз. Я успел стать самим собой, каким я себя знаю, а кроватка все никак не желала из зеркала исчезать...»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орлов Д., 2016
© Эксмо, 2016

Даниэль Орлов

Что-то из детства

До ремонта у меня в прихожей стояло огромное толстое зеркало, в высоту больше двух с половиной метров и где-то полутора метров в ширину. Зеркало это я не любил. Не знаю, почему не любил. Наверное, мне казалось, что в нем до сих пор отражается моя детская кровать, стоящая рядом с пианино. Когда я причесывался перед зеркалом или рассматривал появляющиеся в усах седые волосы, я замечал ту кровать краем глаза, и меня это раздражало. Я уже вырос, уже успел потолстеть несколько раз и похудеть обратно, я уже был женат, развелся и женился во второй или в третий раз. Я успел стать самим собой, каким я себя знаю, а кровать все никак не желала из зеркала исчезать.

По утрам, когда просыпается только та часть сознания, которая ответственна за водные процедуры и завтрак, кровать удерживала в себе мое инфантильное существо, согревая маленьким пуховым одеялом в расшитом бабушкой Раисой пододеяльнике. Думаю, что случайные сквозняки, с визгом влетавшие в мой дом, вдоволь потешались над моим отражением.

А потом начался этот ремонт. Большой ремонт с заменой полов, потолков, стен, с ревизией утлого скарба домовых, отправленных на курсы повышения квалификации. Зеркало я не вывез вместе со всей мебелью и книгами, а оставил в той части квартиры, что раньше называлась прихожей. Оно стояло, завешенное тряпкой, и показывало только изнанку этой тряпки, пока его не вынесли на лестничную площадку. Перед дверью монтировали пол с подогревом, и оно мешало. Его вынесли утром, а ночью оно ушло. Никто из соседей не видел, чтобы его кто-то забирал, никто не слышал ни шарканья ног, не шепота «осторожнее, козел, о перила не побей!». Видимо, оно ушло само. Ушло вместе с отражением моей детской кровати, стоящей возле старого расстроенного пианино «Offenbacher», вместе с теплым одеялом, хранящим мои детские сны, и скрипом половицы где-то в углу возле бабушкиного кресла.

Прошло уже больше года, а жаль мне его стало только сейчас. Нет, не зеркало, – бог-то с ним... Мне жаль это отражение, что можно было различить только краем глаза, если не зажигать в прихожей свет.

Я жил в этой квартире на Петроградской стороне до четырех лет, пока году в семьдесят четвертом родители не получили вожделенный кооператив в новостройках. Младенческие впечатления фрагментарны, но яркие, как римская мозаика. Помню, как играл с красными пластмассовыми солдатиками в садике напротив дома политкаторжан. Краем глаза за мной прислеживал папа. Он сидел на стандартной белой садовой скамейке из толстого штакетника и читал «вечерку». Мимо проходил поэт Сергей Орлов, который жил рядом с нами в соседнем доме. Я в который раз испугался его обгорелого лица и спрятался в куст сирени, где разнылся. Поэт посмотрел на меня мельком, и я увидел его грустные глаза. Папа долго выковыривал меня из веток, а потом гулял со мной за руку по Петровской набережной и рассказывал мне, что поэт Сергей Орлов – герой, что он горел в танке, а врачи не смогли спасти его лицо, что даже если боишься, то не надо это показывать, что если я буду смелым, то он возьмет меня с собой в экспедицию. Я живо представил себе «э-к-с-п-е-д-и-ц-и-ю», как огромный вагон на велосипедных колесах, который путешествует по лесной дороге. И сразу захотел стать смелым и отважным геологом, как папа.

Кстати, о соседях. Очень хорошо помню актера Кадочникова. Он тоже был нашим соседом. Моя бабушка подолгу беседовала с женой Павла Петровича по телефону, а с его сыном Петей с детства дружила мама. Меня иногда водили к ним в гости, где я играл с Петиной доч-

кой, пока родители общались. Закрою глаза и вижу ярко-золотой, от бьющего в окна солнца, паркет, по которому я ползал и катал пластмассовый грузовик. Почему-то запомнилось, что Павел Петрович очень строгий. Думаю, что это все его внучка. Один двухлетний человек говорил другому двухлетнему человеку: «Дедушка – строгий». И это очень серьезно.

Кроме паркета и смеха родителей, с того периода не запомнилось ничего. Потом Петя Кадочников перевозил нас на новую квартиру на своей огромной машине (ЗИМ или ЗИС) и помогал таскать кипы папиных книг на одиннадцатый этаж без лифта. Лифт в доме включили где-то через полгода.

Помню красные плавки режиссера Бондарчука. Когда он приезжал в Ленинград снимать на «Ленфильме» очередную картину, то всегда купался на Петропавловке. Бондарчук был моржом, и, когда он вылезал из полыньи, от него шел пар. Мне в голову всегда приходило словосочетание: ледокол «Красин». Мама говорила, что ледокол «Красин» – это такой пароход, который спасал экспедицию Нобеля. Но Нобеля я не знал, а Бондарчука видел практически каждый день, поскольку гулять меня водили именно туда.

Помню «икарусы». Самые первые венгерские «икарусы», не те, что сейчас, и не те, что были до самого последнего времени – гепатитного цвета. А с синей полосой вдоль всего борта. Они ездили по Кировскому проспекту, а я возле памятника Горькому лепил снежную бабу с родителями. Однажды баба получилась удивительно высокая. На ее голову мы водрузили синюю ночную вазу, а вместо носа воткнули ножку от стула. «Икарусы» останавливались на светофоре перед проспектом Максима Горького, пассажиры все как один смотрели на нашего истукана. Я был очень горд. Это была гордость ваятеля перед своим творением.

Но чаще всего зимой мы гуляли возле памятника «Стерегающему». От самого памятника накатывалась ледяная горка, с которой было замечательно съезжать на разноцветных дощечках. Эти дощечки добывались из гофрированной пластмассы, которой накрывались качели в парке. Конечно, мы ничего не ломали. Ломали неизвестные «большие мальчишки» до нас, а потом эти дощечки валялись вокруг памятника. Помню, как стыли щеки на морозе и как сверкал воздух. Так он только в детстве сверкает, потом с воздухом что-то происходит, и он тускнеет. Кстати, мне очень нравилось рассматривать бронзовый барельеф с тонущим кораблем, который крепился на памятнике со стороны парка. Я все порывался спасти кораблик, тянул его руками в варежках. Однако кораблик не спасался. Папа объяснял мне, что это произошло очень давно, что это не настоящее сражение, а как фотография, что изменить что-то невозможно. Возможно, тогда ко мне и пришло чувство времени – времени, которое было до моего рождения.

Напротив садика «Ленфильма» находился продуктовый магазин, который прозвали «Голливуд». О том, что такое это слово, я, конечно, в то время не знал. В киностудию вход был не так, как сейчас (меж колонн под портик), а сбоку под козырек. Это было похоже на проходную какого-то института, только очень странного, потому что из нее выходили то былинные витязи, то эсэсовцы в форме с дубовыми листьями, то вообще какие-то явные интуристы из шпионско-гангстерских фильмов. Вся эта гвардия переходила проспект и устремлялась в гастроном. Видеть всамделишного богатыря, покупающего триста грамм «Любительской» колбасы, завернутой в белую плотную бумагу, было верхом блаженства. Полагаю, что это зрелище расширяло мое младенческое сознание и, опять же, добавляло уже нечто эзотерическое к пониманию времени.

Однажды мы с родителями видели Высоцкого, который ловил возле светофора такси. Меня как раз выводили из парадной на прогулку. У нас в доме постоянно крутились бобины с его хриплыми мужественными песнями. Но Высоцкий оказался совсем не таким, каким я

его себе представлял – седым, мускулистым, бородатым, с изрезанными морщинами лицом и смеющимися глазами. Он оказался намного ниже папы, худым и с дурацкой прической. Если бы не мама, которая сказала папе: «Смотри, Высоцкий!», я бы этого дядечку и не заметил, поскольку на нем не было интересных для меня доспехов, военной формы или еще чего-нибудь примечательного. Такси упорно не останавливались. Родители несколько минут смотрели за безуспешными попытками, пока я не начал канючить и меня не взяли за руки и не повели куда-то в сторону Горьковской. А бородатый, седой дядька, портрет которого висел у нас над пианино, оказался впоследствии Хемингуэем. В первом классе я прочел «Старик и море», и мне не понравилось. В седьмом классе я прочел «Рог быка», и мне опять не понравилось, в девятом, когда болел скарлатиной, прочел «По ком звонит колокол» и решил больше Хемингуэя не читать. А недавно открыл, и стало как-то не оторваться. Возможно, нужно просто повзрослеть?

Летом в будни мы ходили с бабушкой на пляж Петропавловской крепости загорать. Бабушка сидела на песке в большой соломенной шляпе, в черных очках и читала толстенный серый том Соловьева. Лазать в воду мне категорически запрещалось. Песок на пляже, надо сказать, раньше был совсем другой – намытый, крупнозернистый, почти гаревый. Я, как всякая мелюзга, копался в нем, строил всяческие замки и рыл туннели. Железный совок вгрызался в мелкие кристаллики с характерным звуком. Играть одному было хоть интересно, но быстро надоедало, и я постоянно теребил бабушку, приглашая ее к участию. Вообще, с моей бабушкой было не забаловать. Она работала администратором в ресторане «Восток» и привыкла, что все ей безоговорочно подчинялись. Играть со мной она не собиралась, потому на какой-то раз обычно предлагала заменить игру на «пойди погуляй». Я самостоятельно бродил по пляжу, с интересом наблюдая за речными трамвайчиками. Впрочем, краем глаза бабушка за мной все же следила. Однажды кто-то утонул в Неве, и вызвали водолаза. Впервые видел я такое чудище с огромной головой и жуткими страшными перчатками. Чудище то опускалось в невскую воду, то появлялось на поверхности. Мне хоть и было страшно, но очень хотелось посмотреть поближе, потому я поперся в Неву. Бабушкин подзатыльник настиг меня, как блин, пущенный скакать по воде. Помню, как я ревел и тащился за бабушкой через всю Петропавловку. Мне казалось, что все на меня смотрят и дразнят, и от того становилось еще обиднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.